

УДК 1(091)

DOI: 10.26795/2307-1281-2019-7-4-15

ПРОБЛЕМА ВЗАИМООТНОШЕНИЙ ЭТНОГЕНЕЗА И КУЛЬТУРОГЕНЕЗА В ТВОРЧЕСТВЕ Л.Н. ГУМИЛЕВА

С. Н. Пушкин¹

*¹Нижегородский государственный педагогический университет имени Козьмы Минина
(Мининский университет), Нижний Новгород, Российская Федерация*

АННОТАЦИЯ

Введение. Цель данного исследования – выявить специфику взаимоотношений этногенеза и культурогенеза в философском творчестве Л.Н. Гумилева, для чего необходимо решить ряд взаимосвязанных задач: определить понятия «этногенез» и «культурогенез», установить их соотношение, зависимость и взаимообусловленность; проанализировать явление пассионарности и его роль в культурогенезе; охарактеризовать специфику этногенеза двух суперэтносов (Киевская Русь и Московская Русь) в процессе этнической истории.

Материалы и методы. Материалом исследования являются труды выдающегося мыслителя XX века Л.Н. Гумилева, в том числе посвященные проблемам этно- и культурогенеза. Используются традиционные для историко-философского исследования методы: историко-логический, компаративистский, системно-структурный.

Результаты исследования. В результате проведенного исследования установлено, что «этногенез» и «культурогенез» в философском творчестве Л.Н. Гумилева – понятия, лежащие в «разных плоскостях», поэтому этническое разнообразие лишь в известной мере обуславливает разнообразие культур. При этом важно, что этногенез – необходимое условие культурогенеза, ибо этнос и сохраняется, и охраняется накопленной им культурой.

По Л.Н. Гумилеву, важнейшим элементом культурогенеза является пассионарность – феномен, определяющий интенсивность развития культуры на различных этапах этногенеза. Так, рост пассионарности порождает оригинальную культуру, спад позволяет этносу заимствовать у других этносов с целью сохранения и развития собственного.

Выявляются обозначенные Л.Н. Гумилевым особенности изучения культуры этносов, которые позволили бы создать цельную и непротиворечивую картину культурных достижений того или иного этноса. Так, наиболее предпочтительным оказывается диахронический подход, синхронический же анализ культуры может привести к ошибкам в понимании и оценке места и роли данного этноса в истории.

Наконец, дается характеристика отношения мыслителя к современной ему истории России и понимания им дальнейшего пути развития российского государства, главным условием которого является сохранение этнической и культурной самобытности русского суперэтноса.

Обсуждение и заключения. Для Л.Н. Гумилева очевидно, что этногенез – необходимое условие развития культурогенеза. Никакой кризис не может полностью разрушить, уничтожить культуру. Этнос охраняется, сохраняется накопленной им культурой. Но логика этнической истории существенно отличается от логики истории культуры. Учитывая специфику этногенеза русского суперэтноса, мыслитель определяет этапы этнической

History of philosophy

истории России, которая к концу XX века вступает в «фазу спокойного бытия», но, предостерегает Л.Н. Гумилев, события 90-х годов со всей очевидностью показали, что главным условием дальнейшего развития является сохранение нашей этнической и культурной оригинальности и самобытности.

Ключевые слова: этнос, этногенез, культура, культурогенез, культурные ценности, пассионарность.

Для цитирования: Пушкин С.Н. Проблема взаимоотношений этногенеза и культурогенеза в творчестве Л.Н. Гумилева // Вестник Мининского университета. 2019. Т.7. №4. С.1. С 15.

THE PROBLEM OF ETHNOGENY AND CULTURAL GENESIS INTERRELATIONSHIP IN LEO N. GUMILEV'S CREATIVE GENIUS

S. N. Pushkin¹

¹*Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University (Minin University),
Nizhny Novgorod, Russian Federation*

ABSTRACT

Introduction. The purpose of this study is to reveal the specificity of the relationship between ethnogenesis and cultural Genesis in the philosophical works of L. N. ENU, which requires solving a number of interrelated tasks: to define the concept of "ethnogenesis and cultural Genesis", to establish their correlation, dependence and interdependence; to analyze the phenomenon of passionarity and its role in cultural Genesis; to characterize the specificity of ethnogeny two superethnoi (Kievan Rus and Muscovy) in the process of ethnic history.

Materials and methods. The material of the research is the works of the outstanding thinker of the twentieth century L. N. Gumilev, including those devoted to the problems of ethno - and cultural Genesis. Traditional methods for historical and philosophical research are used: historical-logical, comparative, system-structural.

Results. As a result of the study, it was found that "ethnogenesis" and "cultural Genesis" in The philosophical work of L. N. Gumilev are concepts lying in "different planes", so ethnic diversity only to a certain extent determines the diversity of cultures. At the same time, it is important that ethnogenesis is a necessary condition of cultural Genesis, because the ethnos is preserved and protected by the accumulated culture.

According to Gumilev, the most important element of cultural Genesis is passionarity-a phenomenon that determines the intensity of cultural development at different stages of ethnogenesis: thus, the growth of passionarity generates an original culture, the decline allows the ethnic group to borrow from other ethnic groups in order to preserve and develop their own.

The author reveals the features of studying the culture of ethnic groups indicated By L. N. Gumilev, which would allow to create an integral and consistent picture of the cultural achievements of a particular ethnic group: thus, the diachronic approach is the most preferable, while the synchronous analysis of culture can lead to errors in understanding and assessing the place and role of this ethnic group in history.

Finally, the author characterizes the thinker's attitude to the contemporary history of Russia and his understanding of the further development of the Russian state, the main condition of which is the preservation of the ethnic and cultural identity of the Russian superethnos.

Discussion and Conclusions. For L. N. Gumilev it is obvious that ethnogenesis is a necessary condition for the development of cultural Genesis. No crisis can completely destroy, destroy culture. The ethnos is protected and preserved by the accumulated culture. But the logic of ethnic history differs significantly from the logic of cultural history. Given the specifics of the ethnogenesis of the Russian superethnos, the thinker defines the stages of the ethnic history of Russia, which by the end of the twentieth century enters the "phase of quiet life", but, warns Gumilev, the events of the 90s have clearly shown that the main condition for further development is the preservation of our ethnic and cultural originality and identity.

Keywords: ethnos, ethnogeny, culture, cultural genesis, cultural values, passionarity.

For citation: Pushkin S.N. The problem of ethnogeny and cultural genesis interrelationship in Leo N. Gumilev's creative genius // Vestnik of Minin University. 2019. Vol. 7, no. 4. P.15.

Введение

Цель данного исследования – выявить специфику взаимоотношений этногенеза и культурогенеза в философском творчестве Л.Н. Гумилева, для чего необходимо решить ряд взаимосвязанных задач: определить понятия «этногенез» и «культурогенез», установить их соотношение, зависимость и взаимообусловленность; проанализировать явление пассионарности и его роль в культурогенезе; охарактеризовать специфику этногенеза двух суперэтнотосов (Киевская Русь и Московская Русь) в процессе этнической истории.

Материалы и методы

Материалом исследования являются труды выдающегося мыслителя XX века Л.Н. Гумилева, в том числе посвященные проблемам этно- и культурогенеза. Используются традиционные для историко-философского исследования методы: историко-логический, компаративистский, системно-структурный.

Результаты исследования

Утверждая, что любая культура – это то или иное творение рук и разума человека, Л.Н. Гумилев определяет её и как технические изделия, и как произведения искусства, и как философские труды и т.д. При этом он подчёркивает: «... культура существует, но не живет, ибо без введения в неё творческой энергии людей она может либо сохраняться, либо разрушаться» [9, с. 208]. В этой связи культурогенез в значительной мере и отстает, и зависит от этногенеза, который Гумилев называл «энергетическим источником культуры». Лишь благодаря растрачиваемой в ходе этногенеза пассионарности и создаются самые различные культурные ценности. Именно пассионарность принуждает людей не только к удовлетворению их насущных нужд во взаимоотношениях с природой, но и к формированию и поддержке необходимой им культуры. В противном случае, убежден мыслитель, «ни один

этнос в своём развитии не вышел бы за рамки гомеостаза, в котором жили бы в полном довольстве собой и окружением трудолюбивые элементы» [4, с. 210]. Таким образом, изучая этногенез, исследователь неизбежно рассматривает и культурную деятельность этноса, тем самым знакомясь с основными особенностями культурогенеза.

Утверждая, что ни максимум, ни минимум пассионарной энергии не способствует развитию культуры, Л.Н. Гумилев подчеркивает: её процветание зависит не столько от роста или падения пассионарности, сколько от её уровня. Заявляя о влиянии пассионарности на формирование культуры, он отмечает, что «пассионарность играет свою роль, но это роль не руля, а двигателя» [5, с. 309]. При этом его интерес особо привлекают две степени пассионарного напряжения: при пассионарном подъеме в акматической фазе и при надломе во время перехода к инерционной фазе. Именно в этих фазах этногенеза и происходит, по его мнению, значительное рассеивание энергии, обеспечивающее рост и развитие культуры. При более высоких уровнях пассионарности, этнос, как правило, порывает с культурным творчеством. Низкие же уровни пассионарного напряжения характеризуются чрезвычайно малым числом пассионариев, без которых культурное творчество по существу невозможно. Без пассионарности не может развиваться творчество, но могут сохраняться сложившиеся ранее традиции. Рост пассионарности или её высокий уровень порождают оригинальную культуру. Спад же пассионарности при сохранении достаточной инерции этнической системы позволяет заимствовать культуру от соседних этносов.

Л.Н. Гумилев убежден, что разнообразие этническое неизбежно обуславливает разнообразие культур. «Культура каждого этноса своеобразна, – пишет он, – и именно эта мозаичность человечества как вида придает ему пластичность, благодаря которой вид *Homo Sapiens* выжил на планете Земля» [3, с. 36]. Он постоянно призывает, не боясь явно преувеличенной опасности ассимиляции, к всестороннему расширению контактов этнических культур. Подобного рода контакты способствуют взаимному развитию как этногенеза, так и культурогенеза. Хотя отнюдь не обязательно интенсивность культурогенеза – функция этногенеза. «Это, по словам мыслителя, справедливо лишь для объяснения смены эпох в истории культуры того или иного этноса, но не для объяснения самого феномена культуры, представляющего причудливую смесь гениальных озарений с заимствованиями» [6, с. 54]. Этногенез и культурогенез взаимосвязаны все же весьма относительно, т.к. «лежат в разных плоскостях».

Вместе с тем культура для этнолога – необходимый инструмент исследования. «Ведь культура, – указывает Л.Н. Гумилев, – это как раз то, что мы можем изучить, это то, что лежит на поверхности» [4, с. 195]. Однако дошедшие до потомков культурные творения открыты не только для непосредственного изучения, но и для научного анализа «явлений невидимых, но умопостигаемых». Исходя из этого, мыслитель многократно предупреждает об ошибочности использования весьма малоэффективного принципа синхронии при сравнении древних культур, ибо нельзя подвергать сравнительному анализу студента и школьника лишь потому, что «они живут в один и тот же день». Значительно более продуктивен, по убеждениям Гумилева, принцип диахронии, позволяющий вполне корректное сравнение между собой самых разных людей в конкретном фиксированном возрасте. И, поскольку студент в свое время был школьником, десятилетнего школьника следует сравнивать со студентом, когда ему также было десять лет. Именно так, по Гумилеву, следует сопоставлять и различные культуры. К сожалению, это происходит далеко не всегда. А поэтому «старые и чванливые» европейцы, гордящиеся накопленной

культурой, не любят, по словам Гумилева, вспоминать, что всего тысячу лет назад они учились у арабов и византийцев как мытью в бане, так и богословию. По-видимому, еще через тысячу лет они, как и оставившие лишь «следы своей культуры» древние греки и римляне, также исчезнут с исторической сцены, завершив процесс собственного этногенеза.

Анализируя культурное наследие прошлых этносов, Л.Н. Гумилев полагает ошибочным оценивать его только по уцелевшим памятникам, материальным, вещественным остаткам. В частности, значительное влияние на их сохранность оказывают различные климатические условия. Так, например, сухой климат менее разрушает материальные культурные ценности, чем влажный. При таком подходе всегда проигрывают культуры, которые использовали такие нестойкие материалы, как кожа, дерево, мех, а выигрывали те, которые употребляли камень и металлы. Хотя деревянные постройки отнюдь не всегда хуже каменных сооружений. Первые могут быть роскошными, а вторые примитивными. Однако от одних потомкам мало что остается, другие же сохраняются во множестве. «То же самое с письменностью: есть народы, у которых имеются огромные библиотеки переводов, пересказов, компиляций и очень мало оригинальных произведений, – указывает Гумилев. – ... В то же время «Илиада» и «Калевала» были устным творчеством еще неграмотных народов» [7, с. 101]. Для сравнения культур прошлых этносов важно не количество дошедших до современного исследователя памятников культуры. Важна их оригинальность, вклад в мировую культуру, а не многократное тиражирование чужих культурных образцов.

До потомков доходит лишь малая часть культурного наследия завершивших свой исторический путь этносов. Многие культурные творения человека гибнут, не оставив потомкам о себе никакой информации. Изучение же дошедших до исследователей остатков материальной культуры прошлых этносов может дать весьма искаженное представление. «Нет, я не выступаю против культуры как таковой, – разъясняет свою позицию Гумилев. – Я просто хочу сказать, что культура не дает адекватной картины творческих возможностей этноса, они могли проявиться и иначе, все зависит от исторической судьбы. Я хочу предостеречь от культурологической аберрации, при которой памятники культуры выступают единственным источником сведений о народе» [8, с. 374]. Чтобы этого не случилось, крайне важно изучение культурного наследия дополнять этнологической реконструкцией. Ибо прошлые этносы жили и творили отнюдь не для будущих этносов, а для себя, формулируя конкретные цели, ставя необходимые задачи, руководствуясь принципами только им присущего поведения. Тем не менее «культуры, созданные этносами и изучаемые археологами, переживают первых и вводят в заблуждение вторых, – пишет мыслитель, – заставляя их отождествлять творение с творцом и искать аналогии между вещами и людьми» [9, с. 362]. Это заблуждение особенно заметно проявляется на последних фазах этногенеза, когда многие культурные ценности ещё сохраняются, тогда как большинство их творцов-пассионариев исчезает. В результате культура для исследователя может превратиться в видимый свет уже давно погасшей звезды, когда видимое воспринимается как существующее.

По Гумилеву, культуры весьма часто превосходят и переживают породившие их этносы. В этой связи он сравнивает взаимоотношения этноса с культурой и человека с вещами, накопленными в течение жизни. Ведь и культура, и вещи остаются после этноса и человека. Неудивительно, внушает Л.Н. Гумилев, что этногенез представляет собой прерывный процесс, состоящий из рождений, жизней и смертей. И если смерть не сопровождается муками и страданиями, она вполне может восприниматься как естественное

и даже своевременное, желанное завершение жизни. Культурогенезу же, по его словам, напротив, присуще непрерывное развитие, выраженное через стремление к бессмертию. И действительно, культурным памятникам угрожает не смерть, а главным образом постепенное разрушение и забвение. «Право на смерть – привилегия живого!» – восклицает Гумилев, рассматривая отличия этноса от отдельных его представителей. «Разница между этнической системой и особью лишь в том, – заявляет мыслитель, – что этнос может стать реликтом, а человек – только трупом» [1, с. 52]. Подчеркивая отличия этнической истории от истории культуры, он указывает, что в непрерывном развитии культурогенеза нет ни смерти, ни рождения, тогда как дискретность этногенеза неизбежно обуславливает и то, и другое.

Убежденный, что культурогенез устойчивее этногенеза, Л.Н. Гумилев пишет о наследовании культурных ценностей, что создает иллюзию непрерывности этнической истории. «Культура может быть передана по эстафете, – пишет мыслитель, – что часто заслоняет природные закономерности: современникам эпохи, на которую приходится разрыв между старым и новым этногенезом...» [1, с. 237]. Ибо изучающие культурогенез исследователи обращаются не к окружающему их миру, а к культурным объектам, которые сохраняются или разрушаются, но не взрослеют или стареют. «Если мы имеем в виду культуру, – убежден Гумилев, – ... то с тезисом о преемственности с грехом пополам можно согласиться. Но коль скоро речь идет об этногенезе, то к нему этот тезис вообще не применим. В отличие от культурной традиции, традиция этническая – это не преемственность мертвых форм, созданных человеком, а единство поведения живых людей, поддерживаемое их пассионарностью» [5, с. 309]. При данных обстоятельствах «наследникам предоставлено право либо расчистить свою землю от чужого хлама (а хламом нередко считают шедевры прошлого), – указывает Гумилев, – либо тратить силы не на свое творчество, а на охрану памятников чужой старины» [2, с.31]. Допуская и тот, и другой вариант, он в любом случае выступает за сохранение культурных ценностей. Однако, по его словам, новый этнос усваивает только то, что ему насущно необходимо, остальное же или полностью утрачивается, или анализируется исследователями, специализирующимися на изучении древностей.

Обсуждение и заключения

Для Л.Н. Гумилева очевидно, что этногенез – необходимое условие развития культурогенеза, ибо каждый новый этнос использует для собственных нужд «обломки культур» старых этносов. При этом «ужас перед потерей культуры был сильнее презрения к ней, – внушает мыслитель. – Каким-то шестым чувством люди угадывали: культура тягостна, но жить без нее нельзя» [9, с. 209]. Никакой кризис не может полностью разрушить, уничтожить культуру. Этнос охраняется, сохраняется накопленной им культурой. И несмотря даже на явное несовпадение, существенное различие стереотипов поведения людей (например, в Киевской и Московской Руси), что объясняется Гумилевым принадлежностью к двум совершенно различным этносам, их объединяет основывающаяся на православии многовековая культурная традиция. В результате наследие старого этноса и достижения этноса нового в наших глазах «слиты воедино, что и дает повод, – утверждает Гумилев, – говорить о поступательном ходе русской истории с IX по XX век» [5, с. 309]. Историческая преемственность сохраняется, поскольку культурная традиция для нас видоизменяется во многом лишь формально.

В этой связи, с точки зрения Л.Н. Гумилева, совершенно неверно рассматривать нашу

этническую историю как неразрывный, идущий еще от Рюрика, единый линейный процесс. Утверждая, что логика этнической истории существенно отличается от логики истории культуры, он заявляет: «События этногенезов народов нашего Отечества составляют историческую канву жизни, по крайней мере, двух разных суперэтносов» [5]: Киевской Руси (IX-XIII вв.) и Московской Руси (с XIII в. до настоящего времени). В XIII-XV вв., когда они существовали параллельно, финальная эпоха одного этногенеза сочеталась с начальной эпохой другого, что и придавало этому историческому этапу «столь трагическую окраску», хотя современники тех событий и не осознавали происходящую смену традиций. Только с помощью естественнонаучной методологии, основывающейся на сравнительном анализе разных уровней пассионарного напряжения, можно, по мнению Гумилева, выделить незаметные современникам отличия. «Москва не продолжала традиций Киева, как это делал Новгород. Напротив, – указывает он, – она уничтожила традиции вечевой вольности и княжеских междоусобиц, заменив их другими нормами поведения, во многом позаимствованными у монголов, – системой строгой дисциплины, этнической терпимости и глубокой религиозности» [5]. По его подсчетам, в конце XX столетия российский суперэтнос – Российская империя и Советский Союз, которые, по предположениям мыслителя, в дальнейшем, по-видимому, будет «именоваться Союзом суверенных государств», – находится в середине своего 1500-летнего пути. Однако до и после распада СССР Л.Н. Гумилев совершенно по-разному представляет его дальнейшие перспективы.

Утверждая, что длившаяся 150-200 лет ("от декабристов до Сталина") фаза надлома российского суперэтноса характеризуется постоянным снижением пассионарности, он воспринимает ее как этап рассеивания энергии. Особенно активно данные процессы, по его мнению, обозначаются в 1812-1814 гг., когда значительная часть наших пассионариев погибла в войне с Наполеоном. Их дальнейшее сокращение по нарастающей примерно до середины 80-х годов XX в. обусловило крайнее упрощение системы. Исходя из этого, советский период отечественной истории Л.Н. Гумилев определяет как наиболее тяжелую, финальную часть фазы надлома. Единство суперэтноса в значительной мере подрывается «кровавыми эксцессами гражданской войны», а поэтому горбачевская перестройка представлялась ему попыткой прорыва к новой, инерционной фазе этногенеза. Россия «при всех наших неурядицах – на подъеме», – убежден Л.Н. Гумилев. А поскольку ее судьба «не безысходна», перестроечные процессы он сравнивает с подготовкой к Куликовской битве, воспринимая их как «консолидацию этноса вокруг Москвы». Однако для их успешного завершения российскому суперэтносу надо не только благодумствовать и гордиться своим величием, но и четко осознать границы и интересы своей этнической общности.

Возможность перехода в фазу инерции радует нашего мыслителя, наполняет его оптимизмом, ведь эта фаза, названная римским императором Августом «эпохой золотой посредственности», обычно несет с собой века процветания и благополучной жизни. В Киевской Руси она, по мнению Гумилева, особенно заметно проявляется при Ярославе Мудром, хотя ее временные рамки и были невелики. Для России же фаза инерции – благодатное для народа время подъема культуры и стабилизации экономики – еще впереди. Но уже в середине 80-х годов XX в. у нас начинается благоприятная для нас стадия усложнения системы. А поэтому все мы, по логике рассуждений Л.Н. Гумилева, «вступаем в фазу спокойного бытия», в которой энергии хотя и немного, но возможна ее координация, «возможен рывок». Это в свою очередь обуславливает не столько массовый, сколько индивидуальный характер пассионарности, но аттрактивность (то есть, по Гумилеву, влечение к

«абстрактным ценностям истины, красоты и справедливости») становится единой [8].

Однако, тяжело переживая после 1991 г. изменения российской действительности, Л.Н. Гумилев серьезно опасается, что Запад навязывает России «не присущий ей стереотип поведения». Поэтому к призывам о насущной необходимости ее вхождения в семью европейских цивилизованных народов, согласно его предостережениям, следует относиться крайне осторожно, ибо под этим могут скрываться отнюдь не дружественные нам планы присоединения российского суперэтноса к европейской суперэтнической системе. Никогда не призывая отвергать чужое только потому, что оно чужое, Гумилев призывал не забывать, что оно чужое. В противном случае интеграция России с Западной Европой может привести к полному забвению отеческих традиций. Не приемля разрушающий наш жизненный уклад, чуждый российскому суперэтносу образ жизни, Гумилев завещает беречь нашу этническую и культурную оригинальность и самобытность.

Список используемых источников

1. Гумилев Л.Н. Древняя Русь и Великая степь: в 2-х книгах. Кн. 2. М.: Институт ДИ – ДИК, 1997. 512 с.: ил.
2. Гумилев Л.Н. Из истории Евразии. М.: Искусство, 1993. 79 с.
3. Гумилев Л.Н. Историко-философские взгляды князя Н.С. Трубецкого (заметки последнего евразийца) // Трубецкой Н.С. История. Культура. Язык. М.: Издательская группа «Прогресс», 1995. 800 с.
4. Гумилев Л.Н. .Конец и вновь начало. М.: «Институт ДИ – ДИК», 1997. 544 с.: ил.
5. Гумилев Л.Н. От Руси до России. М.: «Институт ДИ – ДИК», 1997. 560 с.: ил.
6. Гумилев Л.Н. Тысячелетие вокруг Каспия. М.: Институт ДИ – ДИК, 1998. 592 с.: ил.
7. Гумилев Л.Н. Хунну. Хунны в Китае. М.: Айрис-пресс, 2004. 624 с.: ил.
8. Гумилев Л.Н. Чтобы свеча не погасла: Сборник эссе, интервью, стихотворений, переводов. М.: Айрис-пресс, 2002. 560 с.: ил.
9. Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. М.: «Институт ДИ – ДИК», 1997. 640 с.: ил.
10. Шапошников Л.Е., Пушкин С.Н. Русская историософия: избранные школы и персоналии. СПб.: Издательство РХГА, 2014. 464 с.

References

1. Gumilev L.N. Ancient Russia and the Great Steppe: in 2 books. Book 2. Moscow, Institut DI – DIK Publ., 1997. 512 p. (In Russ.)
2. Gumilev L.N. From the history of Eurasia. Moscow, Iskusstvo Publ., 1993. 79 p. (In Russ.)
3. Gumilev L.N. Historical and philosophical views of Prince N.S. Trubetskoy (notes of the last Eurasian). *Trubeckoj N.S. Istoriya. Kul'tura. YAzyk*. Moscow, Progress Publ., 1995. 800 p. (In Russ.)
4. Gumilev L.N. The end and the beginning again. Moscow, Institut DI – DIK Publ., 1997. 544 p. (In Russ.)
5. Gumilev L.N. From Russia to Russia. Moscow, Institut DI – DIK Publ., 1997. 560 p. (In Russ.)
6. Gumilev L.N. Millennium around the Caspian. Moscow, Institut DI – DIK Publ., 1998. 592 p. (In Russ.)
7. Gumilev L.N. Hunnu. Huns in China. Moscow, Ajris-press Publ., 2004. 624 p. (In Russ.)
8. Gumilev L.N. So that the candle does not go out: A collection of essays, interviews, poems, translations. Moscow, Ajris-press Publ., 2002. 560 p. (In Russ.)

9. Gumilev L.N. Ethnogenesis and biosphere of the Earth. . Moscow, Institut DI – DIK Publ., 1997. 640 p. (In Russ.)
10. Шапошников Л.Е., Пушкин С.Н. Russian historiosophy: selected schools and personalities. St. Petersburg, RHGA Publ., 2014. 446 p. (In Russ.)

© Пушкин С.Н., 2019

Информация об авторах

Пушкин Сергей Николаевич – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии и теологии, Нижегородский государственный педагогический университет имени Козьмы Минина (Мининский университет), Нижний Новгород, Российская Федерация, e-mail: spushkin1949@mail.ru

Information about the authors

Pushkin Sergey Nikolaevich – PhD, Professor, Professor of Chair for Philosophy and Theology, Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University (Minin University), Nizhny Novgorod, Russian Federation, e-mail: spushkin1949@mail.ru

Поступила в редакцию: 10.10.2019

Принята к публикации: 21.11.2019

Опубликована: 18.12.2019